

**Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский
(Кашин Дмитрий Витольдович)**

кандидат богословия

глава Костромской митрополии Русской православной церкви
ferapontk@ya.ru**КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИЯ В МАРТЕ 1917 ГОДА: ПРОЩАНИЕ С МОНАРХИЕЙ**

В статье рассматриваются ранее не анализировавшиеся в своей совокупности события жизни Костромской епархии в начале марта 1917 года, связанные с установлением нового формата государственно-церковных взаимоотношений. Формулируется тезис о том, что отказ большинства православного духовенства от монархической идеи после Февральской революции объясняется не революционными убеждениями клириков, а, напротив, их консервативной приверженностью синодальной модели положения Церкви в государстве. Отмечается, что уровень общественной активности представителей различных групп духовного сословия в условиях революционного времени мог быть прямо пропорционален степени их интегрированности в государственно-бюрократическую систему. В качестве примеров описываются действия костромского духовенства по установлению порядка литургического поминовения властей за богослужениями 3–5 марта 1917 года, участие духовенства в торжествах «праздника свободы» 10 марта 1917 года в Костроме. Приводятся не публиковавшиеся в епархиальной печати сведения о конфликте викария Костромской епархии епископа Кинешемского Севастиана с Кинешемским революционным комитетом общественной безопасности (епископ обвинялся в монархической агитации, полностью разрешить эту проблему удалось лишь в сентябре 1917 года).

Ключевые слова: Русская православная церковь, Костромская епархия, Февральская революция, монархия, император, викариатство, комитет общественной безопасности.

При изучении реакции российского общества на Февральскую революцию 1917 года обнаруживается неожиданная картина: духовенство Российской церкви, веками стоявшее на идеологической страже монархии, в основной своей массе встретило крушение самодержавия без сожаления, а зачастую – и с восторгом. Что было тому причиной, почему «царствующий Дом» в церковных молитвословиях столь легко поменялся на «благоверное Временное правительство»? Исследователи отмечают такие причины, как усталость от трудностей военного времени, компрометация царской власти распутинской эпопеей. Важнейшим фактором стало отношение к революции всего населения России: «Февральская революция, в отличие от Октябрьской, по сути расколовшей общество, была кратким мигмом консолидации фактически всего общества уже бывшей Российской империи. Ее приветствовали люди совершенно разной политической ориентации, от Ленина до Пуришкевича» [7, с. 60].

Можно предположить: российское духовенство не переживало из-за падения монархии прежде всего потому, что являлось монархическим не столько по внутреннему убеждению, сколько «по долгу службы». На протяжении столетий главной идеологической функцией российского православия – с точки зрения государства – была сакрализация государственной власти, тогда реализованной в формах империи. Сакрализация выражалась прежде всего в литургической перспективе: поминовение за богослужением, царские молебны по «высокоторжественным» дням, коронации. Но, образно говоря, архиереи и пастыри молились не за монархию как основу государственности, а за государство, видимым выражением которого служила

монархия. Крушение же монархии – положительно воспринятое населением и не сопровождавшееся при этом развалом государства как такового – для Российской Церкви было не столь болезненным, тем более что Временное правительство первоначально не посягало на сложившийся государственно-церковный status quo (серьезный конфликт начнется лишь в июне 1917 года в связи с решением о передаче церковных школ в ведение Министерства народного просвещения). По своей сути система осталась прежней; поэтому владыки и отцы, преодолев кратковременное замешательство, привычно продолжили свою службу (но внесли коррективы в литургическую и риторическую стороны своей деятельности). Не исключено, что легкость такой «перестройки» для церковных структур и отдельных лиц была прямо пропорциональна степени их вовлеченности в государственно-бюрократическую систему. В авангарде сторонников революции мы видим церковных функционеров – архиереев, городское духовенство и корпорации духовных школ; сельские отцы следуют их примеру; наиболее консервативно (а в большинстве своем наименее бюрократизировано) монашество. Таким образом, революционность православного духовенства определялась не личным выбором, а прилежным следованием парадигме синодального периода, что мы можем видеть и на примере Костромской епархии.

О революционных событиях в Петрограде костромичам стало известно 28 февраля, тогда же в Костроме на собрании местной социал-демократической группы был создан Временный революционный комитет. 2 марта император Николай II подписал акт об отречении от престола в пользу своего брата Михаила Александровича, а на следующий день великий князь Михаил отказался

от восприятия верховной власти – до разрешения Учредительным собранием вопроса об образе правления Россией. 3 марта в Костроме с раннего утра шли манифестации, рабочие прекратили свои труды и по случаю «праздника революции» отправились на демонстрацию. Тогда же оформились и новые структуры власти: на смену губернатору пришел губернский комиссариат, собранный из представителей общественных самоуправлений, и был также создан губернский объединенный комитет общественной безопасности.

Естественно, столь бурные события не могли не сказаться на жизни Костромской епархии, священноначалию которой ввиду отсутствия указаний из Синода пришлось принимать решения самостоятельно (официальные распоряжения из Петрограда стали поступать лишь с 6 марта). 1 марта, в среду третьей седмицы Великого поста, епископ Костромской и Галицкий Евгений (Бережков; 1864–1924) в Богоявленском кафедральном соборе города Костромы совершил панихиду по императору Александру II, а уже 3 марта в 8 часов вечера под председательством владыки Евгения в присутственном зале Костромской духовной консистории состоялось «многочисленное собрание духовенства для определения отношения духовенства к совершающемуся всенародному движению, имеющему своей целью обновление государственного строя России для оздоровления ее жизни» [12, с. 115]. В журнале собрания говорилось: «...преосвященным поставлен был вопрос, как духовенство должно отнестись к новому правительству и как поступать на церковных службах в тех случаях, где произносится моление за царя, царицу и наследника: продолжать ли моление за них по-прежнему до получения распоряжения Святейшего синода или теперь же, в виду объявленного уже гражданской властью государственного переворота, опустить моление за царя и семью его и заменить его молением за новые «предержащие власти», не обозначая, какие именно. По всестороннем обсуждении вопроса последовало постановление: признать новое правительство и подчиняться его распоряжениям, а прежнее моление за царя заменить молением “за православных предержащих власти и христоролюбивое воинство”» [5, с. 86–87].

По итогам собрания 3 марта епископ Евгений письменно обратился к епархиальному духовенству (текст обращения был опубликован в «Костромских епархиальных ведомостях» от 15 марта): «Свершился великий переворот в отечестве нашем: пала императорская власть... Таковы судьбы Промысла Божия! Призываю духовенство епархии подчиниться и признать Временное правительство, взявшее по воле народа и воинства всероссийского в свои руки управление страной» [2, с. 74]. В обращении конкретизировалось, где и как на богослужении следует употреблять новую форму поминовения.

В понедельник, 6 марта, из Петрограда наконец стали поступать руководящие указания. По епархиям была разослана телеграмма за подписью первенствующего члена Святейшего синода митрополита Киевского и Галицкого Владимира о молитве «за Богохранимую державу Российскую и за благоверное Временное правительство ея» [9, с. 27]. Таким образом, поминовение с формулировкой, избранной костромским архипастырем и духовенством губернского города, совершалось на протяжении лишь двух-трех дней.

10 марта в России было объявлено «праздником свободы», при этом программа торжеств в Костроме предусматривала специфически церковную часть. 9 марта, за день до «праздника свободы», административная комиссия губернского объединенного комитета общественной безопасности на своем заседании обсудила программу праздничных торжеств 10 марта. В 12 часов в Костроме должны были прекратиться работы и занятия, в 13 часов – начинались праздничные мероприятия, включая и богослужения: «В 1 час дня по всем церквам города Костромы отслужить панихиду по жертвам, павшим в борьбе за свободу, а затем молебствие. О чем известить немедленно местного архиерея. Главные церковные торжества будут происходить в кафедральном соборе и в церкви Воскресения, что на площадке, куда и придут войсковые части. С хорами музыки придут: к собору от 202 пехотного запасного полка, к церкви Воскресения на площадке от 88 пехотного полка и от 670 пешей Костромской дружины. В эти же церкви приглашаются и представители всякого рода учреждений. Члены объединенного комитета будут разделены для присутствия в обеих церквах. После панихиды и молебствия на площадках у вышеуказанных церквей будут произведены парады воинским частям» [1, л. 77].

К сожалению, в «Костромских епархиальных ведомостях» 1917 года епархиальная хроника за 6–11 марта не приводится. Судя по заметке в «Известиях Костромского Совета рабочих депутатов» от 11 марта, торжества проходили по намеченной программе: «День 10 марта, посвященный памяти погибших за свободу родины, прошел в Костроме торжественно и с большим подъемом. К часу дня площадь покрылась народом. Народ был всюду – у собора, меж рядами, против думы, на сквере. Над головами публики колыхались знамена – числом несколько десятков с самыми разнообразными надписями: “Да здравствует республика”, “Долой династию Романовых”, “Да здравствует Учредительное собрание” и пр[очее]. После молебнов был произнесен ряд речей. Затем публика с пением революционных песен разошлась по улицам» [11, с. 61–62].

В советское время эти события трактовались своеобразно: революционный пафос подчеркивался, церковный же компонент праздника – наоборот, затушевывался. Приведенная выше газетная замет-

ка была перепечатана в сборнике 1957 года, а вот в издании 1967 года составители (ссылаясь на ту же газету!) о молебнах уже не упоминали [3, с. 29].

«Костромские епархиальные ведомости», не сообщив об этих мероприятиях в своей хронике, все же опубликовали интересный материал, связанный с «праздником свободы» – текст речи епископа Евгения, произнесенной перед молебном 10 марта (судя по всему, в кафедральном соборе). В частности, преосвященный сказал: «Величие и мощь народного духа проявились удивительным образом: только плечом повел русский богатырь, и пали вековые оковы, исчезли все препятствия, стеснявшие его шествие по пути к свободе, солнце которой ныне во всем блеске засияло на святой Руси. Правда, там вдали на окраинах обширнейшего русского горизонта еще видны грозные отблески великой борьбы с внешними врагами... Но мы верим, что и эти последние тучи скоро исчезнут, если внутренний мир наш не будет нарушен партийными распрями, если все мы стальной стеной станем и единодушно сплотимся вокруг своего нового правительства» [6, с. 119].

Речь управляющего Костромской епархией в целом соответствует общему тону публичных выступлений православной иерархии после Февральской революции. Но, на наш взгляд, рассуждения владыки Евгения про «вековые оковы» и «препятствия на пути к свободе» надо полагать скорее данью революционной риторике того времени, чем показателем внутренних убеждений. Мудрая позиция, занятая правящим епископом, помогла Костромской епархии избежать некоторых соблазнов эпохи. Среди таких соблазнов, ярко проявившихся в других епархиях, были притязания на епархиальную власть со стороны «прогрессивных» клириков. Костромская епархия избежала таких потрясений; конечно, разногласия возникали, но они были все же преодолимы, а иногда просто комичны. Духовенство с уважением относилось к мнению епископа Евгения, а тому не раз приходилось остужать горячие головы отцов-«прогрессистов».

Массовых и организованных действий духовенства в первой половине марта 1917 года не происходило ни в Костроме, ни в Костромской епархии. Это и не удивительно, учитывая, с одной стороны, шокирующий эффект крушения монархии, с другой – отсутствие консолидации епархиального духовенства в целом, не только «за», но и «против» кого-то или чего-то. И все же без проблем не обошлось. В городе Кинешме (относившемся тогда к Костромской губернии) уездный комитет общественной безопасности отказался включать представителя от духовенства (даже одного) в свой состав – «под тем предлогом, что духовенство всегда, будто бы, пряталось, а нередко и враждебно относилось ко всяким прогрессивным организациям» [4, с. 124]. Тот же уездный комитет обще-

ственной безопасности своим постановлением от 11 марта предоставил волостным комитетам право «устранять временно от своих должностей священников и других должностных лиц, вредящих установлению нового строя на местах» [4, с. 120].

С Кинешмой был связан и конфликт, не отраженный на страницах епархиальной печати, однако доставивший немало хлопот как Костромской епархии, так и Святейшему синоду. Вечером 4 марта 1917 года, в субботу, в городском соборе всенощное бдение возглавлял vikарий Костромской епархии епископ Кинешемский Севастиан (Вести; 1870–1929 или, по другим сведениям, 1934), постоянно проживавший в костромском Ипатьевском монастыре, но нередко посещавший Кинешму и совершавший там богослужения. Видимо, vikарный епископ просто не знал о решении описанного выше собрания 3 марта. Как он сам писал 5 апреля 1917 года в объяснении, адресованном обер-прокурору Святейшего синода, за всенощной «возносили моление (...) “о благоверном государе и великом князе Михаиле Александровиче”. Царем или императором его не называли» [8, л. 11]. Утром 5 марта такую формулировку отменили, но было уже поздно. Кинешемский революционный комитет общественной безопасности (усомнившийся к тому же и в содержании проповеди, произнесенной владыкой 5 марта в соборе) отправил в Синод телеграмму: «Епископ Кинешемский Севастиан ведет [с] амвона монархическую агитацию, просим уволить [на] покой» [8, л. 6]. Преосвященный Севастиан пытался убедить обер-прокурора в своей благонамеренности: «...я никогда политикой не занимался и ни к каким партиям не принадлежал. Новое правительство приветствую и стал на его сторону...» [8, л. 9]. Но разбирательство продолжилось. По предложению епископа Евгения Синод, чтобы успокоить разыгравшиеся страсти, назначил владыку Севастиана vikарным епископом Макариево-Унженским. Возвращение его на Кинешемское vikариатство состоялось лишь тогда, когда проблему полностью урегулировали – в сентябре 1917 года.

В заключение отметим, что по-новому зазвучало пастырское слово и на сельских приходах. Любопытный пример проповеди того времени представляет собой «Поучение к простому народу», произнесенное священником Иоанном Соболевым 12 марта в Никольской церкви села Верховье Солигаличского уезда и опубликованное в епархиальном журнале. Поучение начинается с разъяснения «текущего момента». Бедствия России проповедник описывает, возлагая преимущественную вину за них на царское окружение, и переходит к назидательным выводам: «Ныне свободна Россия, свободны все граждане ее. Свободны мы от произвола и гнета прежних министров царских и прежних своекорыстных угнетателей народа, которые, заботясь только о своих выгодах, вели Россию к по-

гибели; но это не значит, что все мы можем делать, что кому угодно» [10, с. 134]. Проповедь увенчивалась призывом к исполнению гражданского долга.

Итак, события жизни Русской церкви – в частности, Костромской епархии – в начале марта 1917 года позволяют констатировать, что революционные настроения, охватившие российское общество после Февральской революции, были поддержаны большинством православного духовенства. Такая поддержка находила свое выражение и в богослужебной практике, и в публичных выступлениях на разных уровнях: от архиерея до простого сельского священника. Отказ духовенства от монархической идеи (с самого начала революции ярко проявившийся в вопросе поминовения власти за богослужением) был обусловлен не мнимой «революционностью» клира, а намерением следовать санкционированному новой государственной властью политическому мейнстриму – что вполне соответствовало синодальной модели государственно-церковных отношений. В то же время успех взаимодействия церковного руководства с новыми властями во многом определялся субъективными факторами. Так, в Костроме продуманная линия поведения епископа Евгения позволила избежать серьезных проблем, а в Кинешме неосторожные действия викарного епископа Севастиана стали поводом для конфликта, разрешившегося лишь в сентябре 1917 года.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области. – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 30.
2. Евгений, епископ Костромской и Галичский. Духовенству Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 марта. – № 6. – Отд. офиц.
3. За власть Советов: Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917 – март 1918. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во; Кострома: Обл. тип. им. М. Горького, 1967.
4. Л[ебеде]в Д., священник. На злобу дня // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 1 апреля. – № 7. – Отд. неофиц.
5. От исполнительного комитета духовенства города Костромы. Журнал № 1. 4–12 марта 1917 года // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 1 апреля. – № 7. – Отд. офиц.
6. Речь, сказанная преосвященным Евгением, епископом Костромским и Галичским, пред молебном 10 марта // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 1 апреля. – № 7. – Отд. неофиц.
7. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). – СПб.: Лики России, 2008.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 204. – Д. 94.
9. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – М.: Индик, 2006.
10. Соболев Иоанн, священник. Поучение к простому народу // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 апреля. – № 8. – Отд. неофиц.
11. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии: сборник документов (март 1917 – сентябрь 1918 г.). – Кострома: Костромское кн. изд-во, 1957.
12. Экстренное собрание духовенства города Костромы // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 марта. – № 6. – Отд. неофиц.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F. 200. – Op. 2. – D. 30.
2. Evgenij, episkop Kostromskoj i Galichskij. Duhovenstvu Kostromskoj eparhii // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 15 marta. – № 6. – Otd. ofic.
3. Za vlast' Sovetov: Hronika revolyucionnyh sobytij v Kostromskoj gubernii. Fevral' 1917 – mart 1918. – YAroslavlj': Verh.-Volzh. kn. izd-vo; Kostroma: Obl. tip. im. M. Gor'kogo, 1967.
4. L[ebede]v D., svyashchennik. Na zlobu dnya // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otd. neofic.
5. Ot ispolnitel'nogo komiteta duhovenstva goroda Kostromy. ZHurnal № 1. 4–12 marta 1917 goda // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otd. ofic.
6. Rech', skazannaya preosvyashchennym Evgeniem, episkopom Kostromskim i Galichskim, pred molebnom 10 marta // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otd. neofic.
7. Rogoznyj P.G. Cerkovnaya revolyuciya 1917 goda: (Vyshee duhovenstvo Rossijskoj Cerkvi v bor'be za vlast' v eparhiyah posle Fevral'skoj revolyucii). – SPb.: Liki Rossii, 2008.
8. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. – F. 796. – Op. 204. – D. 94.
9. Rossijskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu: (Materialy i arhivnye dokumenty po istorii Russkoj pravoslavnoj cerkvi) / sost., avtor predisl. i komment. M.A. Babkin. – M.: Indrik, 2006.
10. Sobolev Ioann, svyashchennik. Pouchenie k prostomu narodu // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 15 aprelya. – № 8. – Otd. neofic.
11. Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Kostrome i Kostromskoj gubernii: sbornik dokumentov (mart 1917 – sentyabr' 1918 g.). – Kostroma: Kostromskoe kn. izd-vo, 1957.
12. Ekstrennoe sobranie duhovenstva goroda Kostromy // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1917. – 15 marta. – № 6. – Otd. neofic.